

The background of the cover is a detailed illustration. It features a close-up of a woman's face, specifically her right eye which is a striking green color. She has dark, thick eyebrows and long, dark eyelashes. Her skin is a warm, light brown tone. Overlaid on the left side of her face is a large, dark, segmented appendage, possibly a tentacle or a mechanical arm, with several sharp, curved claws or fingers. The background behind the face is a textured, light beige color, resembling aged paper or a wall with some cracking. The overall style is dramatic and somewhat horror-themed.

Дарья
Пожарова

Два
лица
Венеры

18+

Дарья Пожарова

Два лица Венеры

«Автор»

2026

Пожарова Д.

Два лица Венеры / Д. Пожарова — «Автор», 2026

Один грязный секрет способен разрушить жизнь... У Венеры было всё: успешная карьера в московском рекламном агентстве, любящий муж и богатый дом в пригороде. Но прошлым летом в командировке она познакомилась с девушкой по имени Кристина и влипла в серьезные неприятности. Шантажистка объявилась спустя год и грозит раскрыть порочащую тайну Венеры, рассорить с мужем и семьей, унизить перед коллегами и начальством накануне долгожданного повышения. Сможет ли Венера избежать угрозы и уничтожить компромат на себя, или рискнет, чтобы сбросить маску и, наконец, жить без лжи? Социальная драма о современной богине переходит в классический мотив древнегреческой трагедии о роке и возможности выбора в патриархальном мире, где женщина ничего не решает. Жанр: психологический роман. Темы: женское соперничество, уязвимость материнства, токсичные родственники, женщина-руководитель, психология, манипуляция.

© Пожарова Д., 2026

© Автор, 2026

Дарья Пожарова Два лица Венеры

ДВА ЛИЦА ВЕНЕРЫ

Свободен тот, кто может не лгать.

Альбер Камю

1

Кто тут главный?

Первое письмо с угрозами я получила в понедельник утром, седьмого августа, за бизнес-ланчем в комнате для отдыха. И хотя адресант не представился и не подписался, я сразу же поняла, от кого оно. В строке отправителя е-мэйла стоял довольно внятный намек на мою прошлогоднюю командировку. Мне никогда не забыть лето встречи с Кристиной – слишком много безумия тогда случилось с нами обеими, но меня поразило, как ей удалось единственной фразой мгновенно воскресить мельчайшие подробности нашего знакомства. Я тут же вспомнила совершенно все. Ее первый портрет встал передо мной: голубые глаза, курчавые каштановые волосы, татуировка в виде скорпиона на руке, стеснительно прикрытая классической белой блузой, еле заметный прокол от пирсинга в уголке над губой... Мы встретились на конференции, где она работала журналисткой по срочному контракту, а я сопровождала спикера от своей фирмы.

Неужели та самая незнакомка со звонким смехом, сидевшая у мини-бара в перерывах между докладами, та самая беззаботная попутчица, встававшая навстречу ветру в кабриолете, сейчас шантажировала меня? Воспоминания о ней совершенно не вязались с только что полученным письмом. Удивляла его тонкая, уверенная злоба. Она писала, что не отступится, и мне придется ответить за сделанное в прошлом. Не такое уж прошлое – всего год назад, но меня не покидало чувство, что случившееся тогда – фрагмент нечаянно прочитанной чужой биографии. А не моя личная история, обожженная огнем и посыпанная пеплом.

На часах было около одиннадцати. В одном из офисов нашей компании в Москве мне никак не хотели подписывать отпуск, который я пропускала уже несколько лет подряд, отработывая очередное повышение и расширяя круг партнеров рекламного агентства. Пятнадцать лет я отдала рекламе и тому, что с ней связано, начав с самых презренных должностей. Мне приходилось сочинять слоганы, искать заказчиков, уговаривая их по телефону купить газетный клочок с парой избитых фраз, печатать визитки и баннеры, торгуясь с типографиями из-за каждого рубля... Сейчас те ступени остались далеко позади, и я занималась, в основном, заключением крупных контрактов на изготовление видеорекламы. Где-то в перерывах, мельком, случался пятичасовой сон на снотворных – дольше спать просто не могу, отвыкла – и другая жизнь, без отчетов и дедлайнов.

Отложив телефон в сторону, я в недоумении потрясла головой. Кроме меня, в комнате для отдыха почти никого не было. Столовая, отделенная от зоны с диванами и столами для пинг-понга, располагалась в просторном помещении с тремя окнами, откуда открывался вид на Москву-реку. Я выковырнула кусок курицы из лапши, но аппетит совсем пропал, хотя в прошлом часу напоминал о себе глухим бурчанием в животе. Раннее онлайн-совещание с директором вместо завтрака – пришлось обойтись чашкой кофе со сливками и долькой шоколада. Если не шантаж, то молочное и сладкое однажды точно меня погубит.

– Есть! – раздался возбужденный возглас из уголка с пинг-понгом. – Кто тут главный? Я главный!

Щеголяя новенькими ракетками, мимо столовой прошли два менеджера, незнакомых – из чужого отдела, даже из соседнего подразделения, на бейджах значились логотипы группы таргетинга. У одного из них лицо сияло, второй выглядел подавленным.

– Здравствуйте, Венера! – поздоровался со мной первый.

Второй хмуро промолчал.

Пришлось вылезти из собственной раковины интроверта и коротко кивнуть им. Я не знаю их, но они знают меня. Совсем юноши, так трогательны и вежливы, что даже, наверно, не пожалуюсь их начальнику о прогулах в рабочее время. По крайней мере, на того, что поздоровался. Мне тоже давно пора в кабинет, но это другое дело. Если не брать в расчет поговорку про Юпитера и быка, у меня нет строго рабочего времени. Потому что не бывает абсолютных выходных.

По Москве-реке за окном башни тихо полз теплоход размером с десертное яблоко. Настенные часы в столовой застыли на цифрах 11.11.

Красивые числа.

Люблю красивое: цифры, вещи, высотные здания.

Красивых людей.

Рекламу люблю больше остального и стараюсь, чтобы мой отдел делал именно такую – шедевральную, изысканную. Не дешевку, а настоящее искусство.

И хотя манипуляция – суть и плоть рекламы, но и ложь может стать высоким искусством, когда оторвана от низменного начала, страха или выгоды. Хорошая реклама продает, не опускаясь лишь до желания продать.

«Какой же бред», – засвербила в голове мысль о Кристине.

Методички для топ-менеджеров учат искусству грамотной и незаметной манипуляции, но суть в том, что манипуляция по определению не может остаться незамеченной. По крайней мере, не прочувствованной. И потом, известно: любой шантаж – лишь манипуляция страхом, а до дела никогда не доходит. Шантажисты не воплощают угрозы в жизнь. И у манипуляции всегда есть цель. Интересно, что понадобилось Кристине спустя целый год?

Я немного удивилась, откуда она узнала электронку, но потом вспомнила: адрес с иконкой моего фото есть на сайте фирмы. И решила никак не реагировать на письмо. Ерундовое сообщение – стоит ли думать о нем за ланчем? Да оно и внимания не заслуживает. Как руководителю отдела в крупной рекламной компании мне постоянно прилетали недовольные письма, жалобы, негодующие отзывы от торговых фирм, что легко сходили за клевету и растворялись одним нажатием клавиши – ну ладно, двумя, включая обращение к администрации сайта с просьбой удалить нежелательное сообщение. Я давно привыкла к негативу и не воспринимала его всерьез. К тому же, в первом письме Кристины не было ничего пугающего. Оно было сердитое, только и всего. Но я действительно многое тогда натворила. Мы обе. И у нее есть право злиться.

Вот только откуда ей известна моя фамилия? Тогда, обрубив концы, я не оставила ей шанса узнать что-то, кроме имени. Как же она нашла меня? Что знает еще? Скорее всего, целый год у нее ушел лишь на то, чтобы найти меня. И у нее получилось.

«Черт, – вертелось в голове, – все может оказаться не так уж безобидно».

Наш с Андреем дом стоял в центре закрытого коттеджного поселка на Рижском шоссе. Застройщик предусмотрел детали: аккуратная гравийная дорожка вела прямо к воротам гаража на два машиноместа, плюс оставалось пространство для декоративного сада во дворе, где наш ландшафтный дизайнер, Рита, посадила кустовые гортензии и розы, установила фонтан с мраморными птицами.

Раньше я сама ухаживала за садом, а муж подстригал газон, но постепенно бизнес стал отнимать у него больше времени, как и у меня – работа, и сейчас по субботам к нам приходил садовник, Азим. Он подравнивал траву, подрезал кустарники, чтобы росли пышнее, чистил фонтан и подметал дорожки сада, в холодное время года ухаживал за домашней оранжерей,

где мы растили редкие сорта орхидей и цитрусовые – лимоны и мандариновые деревья, инжир и карликовые персики, а летом собирал с них плоды.

Вечером я гуляла по саду и оранжерее или стояла на веранде с ромашковым чаем, заранее готовясь к суетливому утру – а выезжать из дома нужно обычно не позже шести тридцати, чтобы успеть до пробок и приехать в офис вовремя. До сих пор порой вспоминается, как мы приобрели этот двухэтажный коттедж из красного кирпича. Здесь ничего не было: ни сада, ни фонтана, ни ухоженной дорожки, ни бежевой мебели внутри, да и беседка во дворе представляла собой пустой деревянный каркас под крышей. Теперь в нем протянулся длинный стол из мореного дерева, тяжелые стулья, под куполом – резной абажур, внутри которого летними вечерами вилась мошкара. Я любила это место, где можно спрятаться от всего мира.

Мне доставляло гордое удовольствие представлять, как возводился дом, от фундамента до крыши, от первозданной безликости до семейного гнездышка, где знаком каждый закуток и трещинка. Серые и голые стены сначала покрывались шпатлевкой, потом – плотными матовыми обоями. В углу спальни возникла просторная кровать с шелковым голубым покрывалом и дубовый шкаф, в гостиной появились телевизор и камин с фарфоровыми вазами и фигурками птиц, в коридоре выросла стенка с полными собраниями русской и французской классики. Мелочь за мелочью дом наполнялся уютом, любимыми вещами, памятью о событиях, подарками из поездок.

Но самым важным для меня казалось, что дом и всю его обстановку мы с мужем заработали сами, шаг за шагом вкладывая деньги в благоустройство.

Андрей – лучший муж на свете, никогда не предал бы, даже если случилось что-то из ряда вон выходящее. С женщинами он робок.

Поэтому вторая мысль, которая точила меня после письма Кристины:

«Что, если б он узнал про ту конференцию?»

И когда я решила, что это возможно, то ненадолго, всего на секунду, испугалась. Как я уже говорила, по-настоящему испугать или удивить меня сложно.

2

Стелла, Венера, Ида

Первая женщина в моей жизни, мама, подарила мне требовательную и временами колючую, как шиповник, любовь. Она внушала, что быть истинной женщиной – особое таинство, недоступное простушкам. Мы с сестрами родились от разных мужчин, по одной дочери на каждый из ее браков. Первый муж довел ее до развода своими изменами, второй – бесследно пропал, однажды утром отлучившись в магазин за молоком к ее любимому кофе. Третьего она сама выгнала за бытовое пьянство и невнимание. Если подумать, мама многому научилась в каждом из своих замужеств. А разучилась только одному: верить.

Иронично, что как раз у богини любви, Венеры Милосской, нет рук, и она лишена удовольствия обнять любимых или оттолкнуть тех, кто слишком настойчиво добивается ее внимания. Меня называли в честь безрукой француженки. Или она скорее гречанка, но эмигрировала в Лувр? В любом случае, путешественница, не раз переезжала с места на место. Жизнь ее потрепала как следует. И лишилась бы она не только рук, гораздо большего, если бы состояла из горячей плоти и крови. Только холодность паросского мрамора охраняет ее покой.

Про нашу родословную, а особенно, про историю женщин в ней, можно поведать отдельную эпопею, но, пожалуй, ограничусь летописью имен. У всех женщин в нашей семье, начиная с прапрабабки Мирры, имена необычные. Наверно, та древняя мать в ожидании ребенка, напевая тихие песни округлому животу, не хотела причинить боль его маленькой жительнице, а всего лишь мечтала войти в историю. И с тех пор каждая из нас, словно в отместку последующей за тщеславное желание собственной матери, награждала дочь экзотичным именем. Да, кстати, в нашей материнской ветви вот уже сто двадцать лет рождаются только девочки. Дочери

рождают новых дочерей, и круг извечно замыкается, а после идет на следующий виток, чтобы воспроизвести себя, снова и снова.

Приходится признать: наша бабуля, Олимпиада, первой пыталась привнести в хаос хоть какое-то зерно логики, назвав рожденную в мае дочь – Майей. Это в шестидесятые, когда кругом по улицам ходили Нины и Зины. Но мама не удержалась от гордыни, и мы втроем с сестрами заново начали хождение по древнегреческим мифам, получив имена богинь. Разорвать цепь суждено было мне. У меня единственной вместо обещанных трех дочерей родился сын. Но об этом позже.

Сначала женщины. Как меня учили, всегда в истории прежде бывают женщины, а потом уж мужчины, дети, кошки и собаки, цветущие сады. И строятся города, и рушатся империи, и прочее, прочее... Так повелось испокон веков. Мать-прародительница не оставляет нас ни в детстве, ни с старости, ни в двадцать первом веке.

Расти с редким именем неприятно. Только ленивый не дразнит тебя в детсаду и школе. Венера-Фанера, еще не худший вариант. Иде-Гниде, моей младшей сестре, повезло куда меньше. К счастью, она умеет за себя постоять. Малоознакомые теряются, когда нужно сократить твое имя, ведь люди кругом торопятся, будто на пожар, хотят сэкономить полсекунды. И почти никто не называет тебя ласково.

Почти? Нет, совсем никто. Врата любви открываются матерью. А у моей не нашлось фантазии согреть меня нежным прозвищем. Я с детства была просто Венерой. Канонические Леночки и Машеньки получали желанные мной «очк» и «еньк» в своих именах, ласкающих слух. Но я словно родилась сразу взрослой и не имела права на нежность. «Венерочка» звучит глупо, как сокращение стыдного заболевания – говорить о нем избегают. Ведь никто не хочет подцепить «венерочку», правда? Я чувствовала себя проклятой, как тот человек, живущий от старости к детству.

Стелла, моя старшая сестра, утверждает, что мама никого из нас не звала нежно, и дело не в том, что она пожалела суффикса или задумалась, как он звучит рядом с редкими именами троих дочерей. Просто для нее ласка к женщине – вещь излишняя. Ведь женщины, по ее мнению, созданы быть соперницами. Мимолетная ли, утешающая или истинная, идущая из глубин сердца – любая вообще ласка должна принадлежать мужчине, и лучше – мужу. Нежности заслуживали только носители молний. Лучшее доставалось мужчинам, в надежде, что на этот раз они оправдают ожидания. Вероятно, родись у нее, вопреки традиции, хоть один сын, она стала бы самой ревливой из свекровей. А женщина, даже если ей, «женщине», пять лет от роду, и она ревет, ободрав коленку об асфальт – должна остаться без ее внимания. Как, вероятно, когда-то она сама.

Стелле ровно сорок – на семь больше, чем Иде, нашей младшенькой оторве. Я же застряла между ними. Все время между, словно амортизатор, чтобы они не расплющили друг друга упрямством. Ида со студенчества живет в Питере, иногда приезжает на выходные в Москву, но в целом давно отпочковалась от нашей семьи. Ее бесит, когда мы звоним ей сами – невовремя и некстати, и обычно она сбрасывает. «Отвалите уже», – говорит она, – живу, как хочу, и вам того желаю».

Я вздыхаю: завидую ей. Вот бы я могла жить, как хочу. Но тогда слишком много людей пострадает.

Где проходит та тонкая грань, когда мы перестаем оберегать собственное право на счастье и отрываем кусок от положенного другим, становясь эгоистами? У Иды единственной из нас получилось вырваться из плена долга, бесконечных обязательств и чувства стыда за их невыполнение. Но за свободу она заплатила жирным клеймом эгоистки на лбу. Мама отгородилась от нее выгодной отговоркой, сразу, как мелкая утекла ручейком из нашего женского океана. «На Иду нельзя положиться, – пожимает она плечами, когда та отказывает ей в просьбах, – она не той породы». А какой? И какой породы тогда мы со Стеллой? Цена чистого лба

выше, в тысячу раз, несравнимо выше, чем откупная Иды. Но, наверно, мама права. Надо быть определенной породы, чтобы отказывать в просьбах родным.

С юности, получая первые зарплаты, я отдавала часть их матери, словно оброк. И до сих пор, если деньги по какому-то недоразумению вовремя не поступали ей на счет, она незамедлительно реагировала на их отсутствие, как на кражу.

– Ты ничего не забыла, Венера? – сухо произносила она в телефонную трубку и умолкала, заставляя меня додумывать, в чем я провинилась на этот раз.

Придавленная тишиной, я гадала, что случилось, пока не проверяла историю списаний. Деньги на ее содержание были выделены небольшие, но некоторая сумма, с утечкой которой давно уже смирился мой муж, стала единственным прочным мостом, соединявшим наши с ней телефоны. Но, может быть, деньги – не такая высокая плата за мое отсутствие в ее старости.

Стелле всегда было проще смириться с чувством вины, она до сих пор живет с матерью. Или чужая судьба лишь со стороны кажется более легкой и лишенной препятствий, чем собственная? Но старшая сестра пошла прямой дорогой, без метаний и сомнений, по намеченной траектории. После школы, не пропустив ни года, окончила педагогический институт, дождалась предложения от парня – одноклассника, с которым встречалась несколько лет, и вышла за него замуж. Девственницей, конечно же, как завещала нам мама. В положенный срок, через пару лет после свадьбы, родила малышку, а позже дочерей-погодок. Воспроизвела трех сестер, подобно многим прародительницам, по правилам нашей семьи. Ни в чем не отступила от плана и не опозорила мать.

«Она семейная, ей нужнее», – сказала мама, отселяя нас с Идой в одну комнату, чтобы выделить целый отсек на солнечной стороне для Стеллы, ее мужа и дочерей. Мама не могла нарадоваться, что в нашем женском, уже семь лет как одиноком царстве, наконец, появился мужчина и, надо полагать, задержится надолго. Зятя она боготворила, и ритуальные танцы у плиты с драниками и борщами дополнялись подарками: галстуками, наборами для автомобиля, какими-то невероятными ремнями. Нам с сестрами она не дарила ничего подобного, тем более, в таких количествах, а его баловала, как только можно баловать чужое дитя в назидание собственному.

Он действительно держался долго, – во всяком случае, дольше, чем ее собственный первый муж, – пока не начал изменять Стелле направо-налево. Мы с Идой презирали этих девиц, выслеживая их у кафе, кинотеатров и магазинов, куда суженый старшей сестры водил их внаглую, у соседей на виду. Мама поставила на телефон жучок, чтобы отслеживать, откуда он звонит, и докладывать об этом Стелле. Но та не желала знать то, на что не могла повлиять. Тем более, он был щедрым и ласковым отцом. А когда не ночевал дома, на другой день покупал жене букет белых хризантем и дарил его в слезах раскаяния, в знак ее терпения и чистоты.

Невинность Стеллы, ее неспособность отплатить ему той же монетой уязвляли его. Если бы только она могла изменить ему в ответ! В конце концов он окончательно рехнулся и завел постоянную мадам. Кажется, она была учительницей его дочерей, или наставницей в кружке, куда ходили девочки.

Он снял квартиру, чтобы удобнее было встречаться: видимо, дешевые гостиницы ему надоели. Флегматичная Стелла была не ревнива, но утечку денег заметила быстро, ведь она из декрета в декрет толком ничего не зарабатывала и вечно сидела с детьми на больничных. За пропажу денег она устроила мужу знатную выволочку, но и на постоянную любовницу предпочла закрыть глаза.

Самое паршивое в измене: никогда не знаешь, где и в какой момент она началась, кончилась ли, продолжается ли, будет ли единственной. Жить с закрытыми глазами у Стеллы получалось отменно. Если бы не сестры...

Ида, едва ей исполнилось пятнадцать, совсем взбесилась. Самая гордая из нас, в том возрасте она из милого чертенка трансформировалась в злобную фурию. Однажды заявила подвыпившей (где ей только продали?) и впилась в мое запястье так, что кожа на нем побелела от хватки, как от наручников.

– Пойдем! – ее кошачьи глаза сверкнули зеленым огнем в полутьме нашей общей комнатушки, заставив меня вздрогнуть.

Муж Стеллы разрушил тройственный союз, и, хотя у них на тот момент родились дочери, мы до сих пор не желали признавать, что Стелла покинула наши ряды. С тех пор она в стане замужних – в КЛУБе – Клубе Любительниц Уборки и Борщей. Когда-то в детстве мы вместе смеялись над приспешницами этой секты, но теперь одна из нас предала двух других и присоединилась к вражьему лагерю.

– Зачем? Куда? – вяло отмахнулась я, пытаюсь утихомирить сестру, но тут же почувствовала, что сегодня не получится.

– Я нашла ее. Эту девку! Пойдем, – сказала Ида.

– Ты надеешься пугнуть ее? Пристыдить? Или что?

– Нет, – помотала она непослушной вихрастой челкой. – Хочу посмотреть ей в глаза. Гуляет с женатым, у которого трое детей.

– И что ты собираешься ей сказать?

– А кто сказал, что я непременно собираюсь что-то *говорить*? Да брось. Может, просто глянем издалека.

Мне на три года больше, чем Иде. Но то ли действительно у девочек между пятнадцатью и восемнадцатью лежит целая пропасть, то ли я пропиталась вековой мудростью от книг, что читала – мне казалось, что я гораздо старше сестры и вижу то, чего не замечает она. Я не хотела идти с Идой, но не могла отпустить ее одну. А она, знаю ее характер, пошла бы в одиночестве, если уже решилась. Ничего не оставалось, кроме как прогулять сегодняшние пары в универе и волочиться к дому той девушки, с которой муж Стеллы тогда крутил роман.

– Ей около тридцати, – томным шепотом сообщила мне сестра.

Нам, подросткам, тридцатилетняя женщина казалась старухой.

– Прикинь, – добавила Ида. – Она ведь тоже замужем.

Мне это совсем не понравилось. Даже вороны, как учила мама, защищают свое семейство до последнего. «Не вороши гнездо, не тронь ее деток. Она заклюет тебя», – сказала бы она за домашней проповедью, усевшись на подоконнике по-турецки и пуская в ночной воздух кольца дыма от ментоловых сигарет. «И никогда не вмешивайся в дела другой женщины. Однажды перейдешь ей дорогу – и вы враги навсегда». Она-то знала, о чем говорила. Ту, что в конце концов разрушила ее первый брак, она ославил на весь район, даже на работу ей позвонила, хотя, остыв, потом признала, что это глупо.

Мы подошли к подъезду многоэтажки, каких в Химках пруд пруди. Неотличимые друг от друга, они тянулись серой чередой коробок, иногда разбавленных островками роняющих пух тополей и кустов цветущей сирени. Напротив дома тянулись гаражи. Еще недавно мы сами, воображая себя разбойницами, скакали по таким же пещерам, крытым шифером. А теперь детство осталось позади. Точнее, думаю, оно именно в тот момент и закончилось, когда мы вывели ту женщину.

– Вот она! – Ида ткнула пальцем в идущую к подъезду незнакомку.

Вполне благопристойная на вид: футболка, хлопчатая юбка до колен, простенькая сумка с рынка – похожа на домохозяйку, каких я толпами видела в супермаркетах с тележками в руках. Нас, наверно, это и поразило больше всего. Мы ожидали увидеть другую, коварную и гибкую, в сетчатых колготках и с декольте, так одевались местные посетительницы ночных клубов. Тогда в наших головах уложилась бы картина измены: он выбрал противоположность Стеллы, совершенно не похожую на нее, как бы компенсацию того, что ему не хватало.

Но тихоня с авоськой даже походкой напоминала нашу сестру. Бледная, но чуть более свежая копия, не такая замотанная, как мать троих маленьких детей. Позади нее шел уставший на вид мужчина с портфелем – видно, только с работы, и девочка лет семи.

– Ты уверена, что это она? – спросила я.

– Точно, – кивнула сестра. – На лицо-то я ее знаю.

– Ты паслась на ее странице? Ида, не надо, – схватила я ее за плечи, почувствовав, как она закипает.

Семейная пара с девочкой удалялись от нас. Они миновали крошечный сквер и почти подошли к подъезду. Еще пара секунд – и нырнули бы внутрь, избежав столкновения, оставив нас не больше, чем наблюдателями. Но Ида не могла упустить возмездие.

– Эй, – крикнула она женщине. – Ты! Да, ты!

Та замерла на месте и взглянула на незнакомых ей подростков робким и непонимающим взглядом. Мужчина и девочка позади нее тоже остановились.

– Отстань от чужого мужика, поняла?

Тихоня замотала головой из стороны в сторону, в надежде, что мы обозначились и обращаемся не к ней. Другая бы сразу догадалась увести семью подальше. Может, накричала бы на обидчицу или, по крайней мере, повертела пальцем у виска. Но она растерялась, не возмущалась, не рассердилась, только со смущенной покорностью смотрела на мужа и дочь. О существовании помешанных сестриц, разумеется, никто из них и не подозревал.

– Мужик! – крикнула Ида на всю улицу. – А ты знал, что жена тебе изменяет? Чего уставилась, – обратилась она снова к ней, – гадаешь, кто я? Попробуй, поройся в совести! Может, откопаешь чего.

– Пойдем, – нахмурился мужчина с портфелем и легонько подтолкнул вперед девочку. Он и то сообразил быстрее. – Тетя заболела. Она больная.

– Извините, – бросила я им. – Моя сестра перепутала.

Хотя вряд ли извинения могли что-то исправить или определить в последующем ходе событий. Мне не стоило открывать рот. Это выглядело жалко и лживо. Наверняка этот замотанный работой муж и раньше подозревал жену, но, как и Стелле, ему было легче не замечать, чем принимать какие-то решения.

– Достаточно, наговорила уже, – схватила я сестру за руку и потащила подальше.

Она брыкалась, хотела добавить к сказанному хоть пару фраз и откровений, подойти к ним ближе, но тут включилось моя воля, и я жестко свернула сопротивление сестры. В конце концов, ей только пятнадцать. Несмотря на заносчивость и умение уговаривать взрослых, она была ребенком. Верила в справедливость и в возможность что-то изменить в мире к лучшему. Но я понимала уже тогда: есть волки, есть овцы. Иногда овцы брыкаются и пытаются укусить волка, но их протест ничего не решает.

В тот же день, вечером, через дверь комнаты мы слышали ссору Стеллы с мужем. Он собирал вещи – то небольшое, что мог считать своим, включая галстуки тещи. Ругались вполголоса, чтобы не позориться перед соседями и не пугать дочерей, но было слышно, как сестра сквозь рыдания умоляет его остаться.

Ида сидела на кровати, вжав голову в плечи. Через минуту хлопнула входная дверь. В проеме нашей комнаты показалась Стелла, растрепанная и жалкая, со вспухшим от слез лицом. Одна из ее девчонок проснулась и, прибежав за ней в нашу комнату, протяжно хныкала и хватала мать за полу халата. Сестра ходила по комнате кругами, всхлипывала, пытаясь оторвать от себя дочь, прилипшую к ней клешом. Ей бы разразиться тирадой, чтоб полегчало. Но ругань никогда не была в ее стиле, да и сейчас силы – все, до остатка – ушли на мужа. Поэтому младшей сестренке досталась лишь пара упреков.

– Ну что, довольна? Это все ты! Он хочет со мной развестись.

С тех самых пор Стелла никогда больше не заговорила с Идой. Они жили в одной квартире, приняв обет молчания, а их редкие сообщения друг другу передавали мы с мамой. Через год Стелла перешла в стан разведенных – Дом скорби и печали об ушедшем, где ее встретила мать. За ними стояли женщины нашего клана, одинокие, разочарованные, брошенные и преданные – те, кто больше не верил в мужчин.

Ида в неполные семнадцать уехала учиться в Питер и отделилась от нашей семьи.

3

Одуванчик

Всю неделю я была занята и не вспоминала про письмо.

Мне удалось заключить большой контракт на серию рекламных роликов для косметической фирмы. Организацию съемок и продакшн закрепили за мной, и я не рискнула бы переложить нового важного клиента на подчиненных. Когда на кону десятки миллионов чистой прибыли, нельзя облажаться. Съемки должны были пройти идеально, затем пара недель на монтаж, и ролики полетят на платформы.

Объявили кастинг моделей, и каждый день в студию приходили пробоваться тридцать-сорок девушек, победительницу ждал скромный гонорар и внушительная строка в резюме. Привлекательное предложение для новичков в этом деле, и от желающих не было отбоя. В основном, приходили приезжие: провинциалки, недавние москвички, мечтающие прорваться в столицу. Одни – плоскодонки, болезненно худые со всех сторон, другие – с формами и упругостью культуристок. Мода на худых отходила, сейчас все больше женщин отказывались от идеи сидеть на диетах и истязать себя подсчетом калорий, дробным питанием, кето и прочим. Но камера, как известно, невольно прибавляет вес. Что скрывать: худышку по-прежнему можно одеть как угодно, и любая одежда ей к лицу. А девушке с формами приходится тщательнее подбирать наряд, да и некоторые ракурсы с округлым лицом запрещены.

Мы, конечно, пробовали тех и других. Несколько полных моделей прошли во второй тур кастинга. Но я заранее знала, что заказчик их забракует. Выберут, как обычно, недокормленных тощих нимфеток, и не старше двадцати пяти. Увы, но люксовую косметику и одежду рекламируют только такие. Девушкам старше светил разве что магазин на диване с рекламой чудо-швабр для домохозяек или семейные ужины на камеру с приторными улыбками на фоне рекламы котлет и сосисок. Да еще маркетплейсы для представления размерной сетки каких-нибудь дешевых халатов, белья для полных – должен же кто-то показывать подобные товары. Но бренды – нет, никогда. Формула 25/50: все, кто старше двадцати пяти и тяжелее пятидесяти – старухи и толстухи по меркам рекламы. Это жестокий мир, где нет места снисходительности к недостаткам. Все они рассматриваются под увеличительным стеклом, по ним судят о том, какая девушка и по характеру: умеет ли держать себя в руках, сгонять вес в спортзале и не употреблять лишнее за обедом.

Многие из них пробовались голодом, чтобы удачно втянуть живот для пробных фото и видео, но не рассчитали, что очередь окажется такой большой, а ожидание – длительным. Они бросали жалостливые взгляды на мой сэндвич, взятый из офисного автомата.

Одна из моделей особенно выделялась в толпе ожидающих своей очереди. Рыжие волосы, не знавшие окрасок и утюжка, пушились нетронутым одуванчиком в разные стороны. Девушка – тонкая, с бледной просвечивающей кожей и длинными руками, на которых были видны сетки голубоватых вен, стояла поодаль от входа в студию. Короткая майка обнажала плечи и пупок, а ноги закрыты брюками-палаццо: наверно, спрятаны из-за чрезмерной худобы. Ее постоянно оттесняли бойкие девицы, наплывающие от входа в здание и выхода из студии. Сегодня был аншлаг. Мой список пестрил именами, а еще часть записывались напрямую через режиссера.

Выхватив ее глазами из толпы, я уже не могла перестать поглядывать на рыжую. Сначала безотчетно, не понимая, что именно в ней привлекло мое внимание. Но при сравнении с другими претендентками ее особенность быстро бросалась в глаза. Девушка обладала натуральной

внешностью. Опытные модели, уже годам к двадцати «сделанные» от ресниц до щиколоток, отличались лишь цветом волос и глаз, иногда – манерой позирования, если учились хоть где-то, кроме средней школы. Но для меня оставались слишком одинаковыми, чтобы выцеплять отдельный экземпляр из толпы. Поэтому я редко вмешивалась в сам процесс кастинга и не влияла на отсев девушек в отборочных этапах, отдавая это право режиссеру. Да и финальное утверждение кандидаток зависело больше от заказчика, чем от нашей компании.

Я направилась в студию, чтобы напомнить режиссеру о прекращении записи: девушек вполне достаточно, не стоит напрасно задерживать этих бедолаг, ведь они все равно не получают контракт. Нам нужно предварительно только десять, и чем тратить время, лучше выбрать из тех, что пробовались в прошлые дни. Стоило подойти к очереди, как модели заметно оживились и занервничали. А рыжая подлетела ко мне и в ярости загородила проход:

– Здесь очередь!

– Мне это не интересно, – спокойно сказала я.

– Слушай, сучка, я никого больше не пропущу! – в отчаянии вскрикнула она.

Кругом захихикали. «Она не пробует, она тут главная, дурочка», – сжалился над ней кто-то из толпы, предостерегая от последующих глупостей. Одуванчик вскинула на меня недоверчивый взгляд. Сообразив, что это не шутка, она отшатнулась, опустила голову и встала ближе к стене, освободив дорогу. Я проплыла мимо очереди, сопровождаемая волной шепотков и взглядов. Представляю, что творилось в ту минуту у рыжей в голове. Бедная девочка. Она, наверно, всю ночь потом не спала.

– Продайте мне эту ручку, – потребовал лектор.

Мне было девятнадцать, я училась в универе и на летнюю практику устроилась в районную газету, менеджером по продажам рекламных площадей. Чтобы быстро натаскать новичков и включить в работу, начальник отдела маркетинга проводил для нас ускоренный курс по продажам.

Торчать до пенсии в газете я, конечно, не планировала и в будущем собиралась работать в туризме – в том направлении, где и училась. А все, что хотела получить здесь – подпись с печатью в листке по практике. Но прежде, чем ее поставят, предстояло впахивать три месяца и терпеть унижения, на паршивой должности и почти наверняка бесплатно. На предстоящее лето я смотрела без энтузиазма. К тому же, лицо от жары покрылось прыщами. Я страдала от перемен во внешности, отсутствия денег (мать отказалась выдавать мне на карманные расходы после совершеннолетия), но гораздо сильнее – от скуки.

– Кто назовет мне три элемента убеждения? Три метода борьбы с возражениями? – продолжал вещать лектор.

В подмышках на его дешевой синтетической рубашке растекались пятна пота. Лицо начальник время от времени утирал платком, но все равно на лбу крупными бусинами стояли капли.

– Венера, не грызи ручку! Лучше ответь на вопрос, – обратился он ко мне.

– Вы спрашиваете, как впарить человеку что-нибудь ненужное, когда он уже понял, что ему вешают лапшу на уши?

Стажеры расхохотались, но ему острота не понравилась.

– Что ты вообще здесь делаешь? Выйди, проветрись, – раздраженно бросил он, потеряв самообладание, вопреки всем знаниям о манипуляциях.

После изгнания, полчаса побродив по пустыне коридора и выдавив перед зеркалом в туалете все прыщи, я вернулась и извинилась. Не искренне, разумеется – виноватой я себя не считала.

– Ты такая способная, Венера, – вздохнул он. – Но характер... Думаю, тебя лучше определить к другому руководителю. Она и научит, и спуска не даст. Вы сойдетесь, вот увидишь. У вас много общего, – спешил заверить начальник, заметив мое кислое лицо.

Ее звали Елена. Она сразу пресекала, когда кто-то смел добавить к ее имени отчество. Ей было сорок или больше, и возраста она в целом не стеснялась, просто формализм терпеть не могла. А когда подчиненные звали ее Лена, а избранные – даже Леночка, она умилялась, и обычно усвоившие урок оболыщения получали от нее любые желанные плюшки. Но я решила, что не буду пытаться ей понравиться. Потому что меня раздражала ее льстивая манерность, и люди такого типа мне уже встречались раньше: помешанные на деньгах как идее. Для меня же деньги значили совсем другое – свободу, уважение, возможность принимать решения в своей жизни.

Елена любила кокосовые печенья, сплетничать – и курила примерно каждые полчаса. А в продажах была богиней, поднявшейся к нам из ада. Она могла впарить что угодно, кому угодно, где угодно. Ну а впаривать на этой работе приходилось много. У газет стремительно падали тиражи. Обычные еженедельники выпускались в пять-шесть тысяч экземпляров. При этом рекламная полоса стоила баснословные сто пятьдесят тысяч рублей, в то время, когда средняя зарплата не достигала пятидесяти. И за что? За клочок бумаги в третьесортном издании, которое пролежит на прилавках в киосках, в лучшем случае, неделю, а потом полетит в утиль. Да и кто вообще читает рекламу в газетах? Ясно же, что это деньги на ветер. Елена не скрывала, что мы всего лишь продавцы воздуха, но относилась к своей миссии философски.

По ее мнению, мы освобождали слишком богатых людей от денег, поддерживая баланс денег в обществе. Она даже подвела под это целую теорию излишества и недостатка. Ведь у тех, кто может себе позволить выкинуть сто пятьдесят тысяч в помойку, они явно не последние. На деле получалось, что рекламные площади покупали не столько успешные предприятия и клиники, сколько отчаявшиеся бизнесмены, которые надеялись за счет рекламы спасти умирающий бизнес. Чем доканывали его окончательно. Рекламный отдел желтой газеты во главе с Еленой помогал им разориться.

В общем, работа была полнейшим дерьмом, я дожидаться не могла, когда кончится лето, и начальница заветной закорючкой своей подписи освободит меня от ненавистного занятия. Но сначала я должна была закрыть план, установленный для новичков, а именно – продать одну рекламную полосу. Только тогда менеджеру причитался процент с продаж. Задача невыполнимая, ведь с трудом находились идиоты, готовые выкинуть деньги в пустоту. Новички справлялись, в лучшем случае, с четвертью полосы, продавая ее мелкими частями из срочных объявлений. Но план учитывался за неделю, по пятницам, а со следующего понедельника открывался заново.

Таким образом, работа всегда была бесплатной. Здесь стажировались будущие пиарщики, студенты факультетов журналистики и другие бедолаги, не сумевшие пристроиться поудачнее. А еще те, кто ринулся проходить практику в последнюю минуту, когда другие места уже заняты. Как произошло и со мной. Я пробовала приткнуться в несколько туристических фирм, но мне везде отказали.

Елена не читала нотаций, не мучила нас дурацкими методичками. Она сама избрала меня, однажды утром поймав в коридоре редакции:

– Ты поедешь со мной. Как тебя зовут?

– Венера.

– Что, серьезно? Надеюсь, фамилия...

– Не Милосская, – угрюмо перебила я, с детства привыкнув к этой ассоциации и заезженным шуткам, связанным с ней.

– Хм, хорошо. А знаешь, тебе бы пошло. Ты такая... фактурная! Вот подходящее слово. Фактурная, да. Ты красишь волосы?

– Я блондинка от природы. В папу.
(Без вести пропавший Святой Идеал).

– Какие шикарные волосы, – она едва удержалась, чтобы не потрепать меня по макушке, как ребенка. – Правда, ростом мелковата, но для этого придумали каблуки. Тебе повезло. Внешность для женщины – мощное оружие. Распорядись им с умом.

– А я из всех оружий предпочитаю пользоваться только умом, – пробормотала я, стараясь напустить на себя серьезный вид.

Не знаю, что раздражало больше: ее попытки заслужить доверие, встав с подчиненными на одну доску, или когда она вдруг начинала корчить из себя грозного шефа, хотя в отделе знали, что должность начальницы отдела она получила по блату.

Я оценивающе взглянула на Елену. Скорее всего, она не сразу родилась такой облезлой ведьмой. Может, в молодости ее лицо и казалось чуть симпатичнее, но не сейчас, когда увядание коснулось скул и затронуло нависающие веки. Она была высокой, коротко стриженной брюнеткой, не слишком миловидной в чертах лица. И, поскольку не владела, с ее же слов, таким мощным оружием, как внешность, из всего арсенала успешнее пользовалась красноречием, чем с лихвой компенсировала свою некрасивость. Как часто случается с курящими женщинами, кожа у нее отдавала серыми болезненными оттенками. Даже тогда, со всеми своими прыщами, я не променяла бы свою цветущую воспаленными кожу на подобный кусок ветоши.

– У тебя ангельский облик, – щебетала она с обнаженной завистью. – Такой куколке каждый поверит, особенно, мужчины... Но я не настаиваю. Продавай как хочешь. Если такая гордая, сделай каменную физиономию и шпарь по методичке. Мне, честно, наплевать. Главное – продай. Лучше баннер, но статью – тоже неплохо, сможешь сама написать текст и получить гонорар, – подмигнула она. – Хотя не уверена, что ты умеешь. На кого ты учишься?

– Менеджер по туризму.

– Твой туризм – полная лажа, вот реклама – это гораздо интереснее. Сама увидишь. И денег здесь больше. Нужно только уметь их взять.

Разговоры о деньгах в ту пору задевали меня за живое. Я знала, что в ближайшие месяцы не получу от мамы ни гроша, мне не на что купить косметику, тетради и книги для универа. К тому же, в запоздалом расцвете у меня стремительно росла грудь: целый размер за лето, и требовалось специальное белье, чтобы избежать провисания и растяжек. Униженно выпрашивать на столь интимное мне было бы неловко. Меня мучили не только прыщи, но и беспрестанный зуд под футболкой, который обострялся от жары и пота. Я чувствовала себя неуклюжей и непривлекательной, эдаким гадким утенком, и восхваления новой начальницы в мой адрес воспринимала не комплиментами, а скорее издевательствами или недоброй шуткой.

Мы с Еленой приехали на такси к какому-то длинному мрачному зданию, похожему на тюрьму. Вдоль него двумя рядами выстроились вековые сосны. Издалека они казались черными, как шпили башен готической церкви, что располагалась тут же, неподалеку. Вылезая из машины, я все еще не понимала, где мы. Но потом увидела на воротах табличку и удивленно обернулась к начальнице:

– Елена, так это же психушка?

– Ну да, – пожала она плечами. – А ты думала, дорогая? В сказку попала?

У нас была назначена встреча с директором психиатрической лечебницы. Елена планировала продать ему имиджевую статью на центральный разворот, а меня взяла, чтобы я училась впаривать и соображала потихоньку, как нужно вести себя на подобных встречах: что говорить, чем мотивировать заказчика купить рекламу, как отбиваться от возражений. Не верилось, что это возможно – продать целый разворот, да еще с наценкой за центральное место, но Елена вела себя так уверенно, словно заранее знала, что у нас получится. Я послушно следовала за ней, озираясь по сторонам, не ведут ли кого из пациентов. Мне было одновременно интересно и жутковато при мысли о заложниках этого места.

Но внутри все оказалось прозаично: вытянутый пустой коридор и дальше – типичная переговорная чиновника. Пока моя начальница убеждала директора психушки купить разворот за триста тысяч плюс наценка, пришлось находиться за общим столом, что располагался буквой «Т» в его душном кабинете. Угрожающе, как бомба, тикали настенные часы. Директор сидел напротив нас и без особого интереса изучал буклет с прайсом на услуги газеты. Я исподтишка почесывала грудь и уныло ожидала, когда же все это закончится.

– Думаю, нам хватит заметки в четверть полосы, – насмешливо поднял он глаза на Елену.

– На таком объеме мало что можно разместить, – как можно спокойнее выразилась она, не давая вовлечь себя в игру, где заведомо стала бы проигравшей.

– Тогда треть. Полоса ведь стоит сто пятьдесят? Как раз ровненько делится.

– Это центральный разворот, – напомнила Елена.

– Сделайте скидку за первое размещение, – попытался прогнуть ее директор психушки.

Она не выразила разочарования и ласково расплылась в акулей улыбке. Красные лаковые ногти на ее пальцах заиграли в воздухе тонко, будто она держала в руках дудочку заклинателя. Жестикулируя и завораживая, Елена склоняла его к мысли, что четверти полосы мало для больницы такого уровня, ведь нужно оставить место и для фотографий, и для комментариев персонала, чтобы они поведали читателям, как же здесь комфортно отдыхать пациентам, как их вкусно кормят и дружелюбно развлекают.

– В таком случае, – невозмутимо улыбнулся он, бросив буклет, – есть ли польза от вашей рекламы? Пожалуй, нам ее совсем не надо. В конце концов, у нас не санаторий. И психи есть психи. Какой, извините, комфорт. Они все на колесах, а без них такое творят, что вам тут, дамочки, и часа не продержаться, если заглянете к нам в палаты *до* приема таблеток.

Елена нервно моргнула от неожиданности. Ведь они уже согласовали размещение материала: и дату, и тип рекламы, и количество фотографий. Обсуждался только объем на газетной полосе. Но козлина передумал. Или продолжал играть с нами?

Я привстала, опираясь ладонями на стол. На мне была футболка в обтяжку и обычные джинсы. Теперь директор мог хорошенько разглядеть меня снизу вверх. Было забавно наблюдать за его блуждающими по моей груди подслеповатыми глазками и похотливо подрагивающей нижней губой.

– Вы правы, стандартный подход не годится для вашего случая, – обратилась я к нему, чуть подаваясь вперед и протягивая разворот газеты, где красовалось интервью с владельцем какого-то местного магазина.

Елена вскинула на меня брови, но продолжала улыбаться, растерянно хлопая глазами и не понимая, что я задумала. Как у нее только мышцы не сводило от одного и того же выражения лица? У другой бы челюсть давно свело, а ей – хоть бы что. Улыбается без перерыва уже час – и ни грамма усталости.

Мне хотелось проверить ее теорию. Правда ли он поведется? Насколько можно продавить его и заставить повернуть в нужную мне сторону? Я сознавала, что в фантазиях старикашка уже раздевает меня. Да и пусть. При людях он не полезет, а мысленно пусть делает, что хочет. К тому же, это место навевало тоску. Быстрее бы убраться отсюда, а то начальница сейчас начнет работу с возражениями, и тогда мы тут застряли еще на час.

– Обычно мы предлагаем статью и подкрепляющий баннер. Но кто может лучше рассказать о вашей деятельности, чем вы?

Осторожно щупая границы его самолюбия, я сделала вид, что просто забыла сесть обратно на место и улыбнулась с такой девичьей мягкостью, на которую в принципе была способна. Он презрительно бросил буклет – я смиренно подняла, открыла его на странице с баннерами, затем взяла ручку и начертила новый объем, не предусмотренный прайсом. Полоса плюс баннер. Разворот плюс баннер. Чем больше, тем лучше. Хочу, чтоб он заплатил больше разумного, больше, чем планировал, больше, чем мог себе представить. За тот мерзкий взгляд,

которым он меня награждает, хочу ободрить его, как липку. Он внимательно следил за моими чертежами. Или делал вид, чтобы не выдать, на что именно таращится.

– Мы возьмем интервью непосредственно у вас. Нашим читателям интересно увидеть профессионала за работой. Того, кто горит делом. Кому они могли бы без опаски доверить своих родственников.

Понемногу я входила в раж, расписывая план интервью и рассказывая, насколько косвенная реклама выгоднее прямой. Начальница ободряюще кивала мне с другого края стола, мол: отлично, продолжай лить ему в уши.

– Ваша девочка говорит дельные вещи, – через несколько минут выдал директор, заметно смягчившись. Его циничного тона как не бывало.

– Да, молодежь сейчас продвинутая, в отличие от нас, – согласилась Елена, звонко рассмеявшись. – Современное поколение так остро воспринимает действительность и чувствует пульс времени.

– Чудно. Я хочу, чтобы интервью у меня взяли именно вы, юная леди, – самодовольно сказал козлина.

Размечтался, наверно, что на интервью я поеду к нему лично, и он сможет меня облапать. Но не дождется, для таких случаев давно придумали телефон и видеоконференции.

В тот день мы вышли из психбольницы вполне воодушевленные. Разворот был продан. И я впарила директору дополнительный баннер в следующий номер, чтобы напомнить читателям о пафосном интервью с ним. Начальница под впечатлением поглядывала на меня, готовая расцеловать и подписать мне что угодно, включая положенные проценты и премию за выполнение плана. Первый успех и ее восхищение заставили меня влюбиться в рекламу так же сильно, как она. В распаленном азарте я мечтала испытать на прочность методы Елены. Я решила, что возьму лучшее, проверенное ей, но отброшу устаревшие приемы. Мне хотелось с ней бороться, сопротивляться всему, что она внушает. Уже тогда я чувствовала, что из нас вряд ли получатся хорошие напарницы. А вот соперницы – что надо.

У ворот мы столкнулись с пациенткой – женщиной неопределенных лет, которую только привезли на оформление, и, видимо, не в первый раз. Она была совершенно не в себе. При виде нас ее лицо исказилось, и с каким-то звериным оскалом она начала дергаться и вырываться из рук санитаров. Грязные взлохмаченные волосы развевались в разные стороны. Двое широкоплечих санитаров удерживали поступившую с трудом, несмотря на ее рыхлую конституцию.

– Покайся! – кричала она, хлопая себя по голове и обращаясь руками к католической церкви напротив больницы. – Покайся!

Может, в той сумасшедшей мне заблаговременно явился знак, но я не приняла его всерьез. Получив и хлеба, и зрелище, мы спешили уйти. Мы были как никогда далеки от того, чтобы покаяться.

С тех пор я и думать забыла о туризме. Я решила, что реклама – мое призвание, и раз уж у меня так хорошо получается убеждать, всё остальное тем более получится.

После рабочего дня, уже на парковке перед своей машиной, я заметила рыжую и удивилась, что она до сих пор делает здесь. Пробы закончились час назад, девушки разошлись, и здание постепенно пустело. Тонкой струйкой утекал офисный планктон. Увидев меня, она приблизилась – подлетела, как пушинка. «И правда, чистый одуванчик», – подумала я, мельком взглянув на ее веснушчатое лицо.

– Венера! Извините! Могу я к вам обратиться?

Пора было выезжать, скоро на Рижском начнутся бешеные пробки, а добираться долго, можно встрять на час-другой. Не хватало еще задерживаться на разговоры.

– Произошло недоразумение. Я хотела бы извиниться, что нагрубила... Точнее, нахамила вам. Девушки, ну, другие модели, многие пролезали без очереди, – торопливо объясняясь,

запиналась она на полуслове. – Я понимаю, вы спешите, – тараторила испуганная Одуванчик, пытаясь угадать мое настроение, вглядевшись в лицо, не выражающее ничего, кроме усталости. – Я здесь с восьми утра, не завтракала и не обедала – боялась пропустить свою очередь. А мне очень нужен контракт.

– Ну раз *очень* нужен, это, конечно, оправдывает что угодно. Удачи, – захлопнула я дверь авто и потянулась к ручнику.

– Вы не злитесь на меня? – она подошла к водительскому окну. – Я студентка, иногда подрабатываю в рекламе. Скажите честно, пожалуйста, у меня могут быть проблемы? Я почему-то немного вас боюсь. Мы незнакомы.

Точно. А были бы знакомы, боялась бы гораздо больше.

– Не я решаю, кому предложат контракт, – произнесла я уже вслух. – Результаты будут завтра. Еще раз: удачи.

Одуванчик грустно качнула головой. Выезжая с парковки, пришлось долго торчать у светофора, и вдалеке, в блике бокового зеркала моей белой «Субару», долго маячил ее силуэт, полный надежды, сомнений, страха, желания.

Этот бизнес не для робких. Есть акулы, есть дельфины. Я думала, что вижу ее последний раз в жизни. Потерпев неудачу, подобные тихони обычно никогда не возвращаются.

4

Хладная рыба

Мы с друзьями жарили шашлыки во дворе нашего дома. Понемногу осыпались гортензии и розы, садовые дорожки устилал бело-розовый ковер из лепестков. Трещали в полутьме кузнечики. В глубине сада журчал фонтан с мраморными птицами, расплескивая в воздух аромат прохлады. Греческая статуя у входа сверкала белизной в синеве сумерек. Под кустом роз вповалку спал бродячий черный кот, прибившийся к нам прошлой осенью. С тех пор, сколько ни выгоняли – он как-то находил лазейку и пробирался назад, минуя высоченный забор и каменные ворота.

Москва со всеми заботами прошедшего дня осталась позади, и я твердо решила не вспоминать о делах до понедельника. Ну ладно, до понедельника – слишком невероятно, посмотрим правде в глаза. Обязательно кто-то напишет по поводу кастинга, а я не смогу не заглядывать в мессенджер так долго. Решила: не беру телефон в руки хотя бы до полудня субботы, то есть до завтра.

Муж стоял у мангала, одной рукой махал опахалом, а другой попивал пиво из бутылки. Я любовалась из беседки его стройной фигурой, в меру округлыми и мускулистыми плечами, ягодицами в свободных шортах. Он красив. Иногда я об этом забываю. Когда долго живешь с человеком, случаются неизбежные потери в памяти по поводу его достоинств. Какой-то процент, сначала ничтожный, потом – треть, половина, все больше – ускользает от тебя. Его внешность, его личность теряются, стираются от привычности присутствия, а обнажаются лишь недостатки. Разводятся бывшие любимые совсем не с теми людьми, с которыми связали жизнь раз и навсегда, давая тайные обещания наедине и публичные – в присутствии гостей на свадьбе.

Иван сидел в беседке напротив меня. Так мало похожий на своего отца, сутулый, со слуховым аппаратом на затылке. Моему сыну двенадцать, и он слабо слышит с рождения. Мы наблюдались у сурдолога в Петербурге, где лучшие врачи по части нарушений слуха, и обе операции ему провели не в Москве, а в соседней столице. Вглядываясь в его черты, трудно было узнать в них того, кого я выбрала мужем.

Рожая своего ребенка, я не испытывала той ужасной боли ломающихся костей, в агонии которой женщины кричат звериным ревом, с искаженным лицом и венами на лбу, готовыми лопнуть от напряжения. Иван родился легко, как вылупляется малек из икринки огромной рыбы. И даже если с ним что-то случится, рыба выплюнет еще. Много, сколько нужно, с равно-

душием хладнокровного существа, для которого нет ничего волнующего и особенного в производстве на свет других существ.

Но Иван для нас остался первым и единственным. После его рождения я больше не хотела приводить на этот свет кого-то еще. Мир – большой океан, он хищен и жесток. Ни к чему пополнять его новыми обитателями, когда и для старых остается все меньше места. Андрей со мной не соглашался и просил других детей. Любимый ребенок в семье, где не нужно оправдывать свое существование, спорить из-за карманных денег, доказывать полезность и особенность. То, что ему досталось с рождения, мне пришлось отстаивать в боях. И для меня мир навсегда не безопасен. Мы не могли прийти к компромиссу, ребенка ведь нельзя родить лишь наполовину. Он рождается и меняет между вами все.

Исключая семью, Оля и ее муж Миша знают меня дольше других – прочих, чужих, мимо-летних. Вернее, думают, что знают. Они наши давние друзья, а я вообще со школы знакома с ними обоими. Но кое-что важное обо мне не известно никому. Хотя ближе Оли, пожалуй, у меня никого нет в целом свете. Если бы я могла ей рассказать про ту конференцию, мне стало бы чуть легче. Иногда слова почти срывались с языка...

– Как там твоя мама? – спросил Миша. – Сто лет ее не видел.

– Не начинай, – одернула его жена.

– Ты никогда не приглашаешь ни ее, ни сестер?

– Не хочет она, – отрезала Оля. – Отстань от человека.

– Скорее, не могу. Да и кто из вас захочет слушать жалобы Стеллы? А без них она не придет, – пыталась отшутиться я. – Стелла и жалобы на жизнь – это как пчелы и мед, как собака и ...

– Блохи?

– А ты что, Венера, все так же подкидываешь им денюжат? – поинтересовался Миша.

Хмыкнув, я уставилась на него достаточно грозно, чтобы он отстал. Оля взяла мою руку и сжала в своей, некрепко, но достаточно сильно, и я ощутила пульсацию горячей крови в ее изнеженной, пахнущей бальзамом ладони. Она работала парикмахером в ближайшем от нас городке, где они и жили вместе с мужем и сыном. Мы с Олей как-то пробовали оставлять сыновей вместе, но после того, как они чуть не подрались, пришлось отказаться от идеи сдружить их. Довольно и того, что мы собирались вчетвером, сносно ладили, включая мужей, и за пятнадцать лет до сих пор не поубивали друг друга. Миша не упускал случая встрять и подпортить нашу дружбу, когда возможно. Но мы ему не позволяли все опрокинуть. Оля и он – единственные для нас с Андреем близкие друзья. Остальных отсеяли время и зависть. Ни одни трудности не ломают дружбу так быстро, как финансовое благополучие.

Беседка, с южной стороны обвитая плющом, открывала обзор на дом и, если получше высунуться, на фонтан. Приблудный кот нехотя встал, запрыгнул на край и начал долго, жадно лакать, а потом забрался в поросли кошачьей мяты и развалился там в полнейшей неге, перекачиваясь с боку на бок. Я тоже давно не чувствовала себя такой расслабленной, как в тот вечер. Со стороны мангала всюду пахло жареным мясом.

– Скоро несущашлык! – крикнул нам Андрей.

Миша начал раскладывать тарелки и приборы на столе.

– Венера, я его выброшу, – сказала Оля.

– Кого?

– Чего! Твой телефон. Ты опять его из рук не выпускаешь. Считаю до трех. Раз...

– Ладно, ладно, – засмеялась я. – Убираю.

– Не провоцируй, – сдвинула она брови в шутливой гримасе.

Весь вечер мы провели вчетвером. После ужина я выпроводила сына спать, а сама осталась с ребятами до полуночи. Мы играли в новую настолку, муж рассказывал, что подумывает расширить бизнес по производству крафтового пива и нанять еще нескольких специалистов в

помощь, чтобы занимались рекламой. Дела у него шли в гору, но и я не отставала. Недавно в нашей компании объявили, что директор по эффективности уходит на пенсию, и одному из руководителей отделов предложат его место.

– И что, тебя снова повысят? – скривился Миша.

– Возможно, – пожала я плечами. – Но не обязательно. На место претендуют еще восемь руководителей. И некоторые глотку перегрызут за эту должность.

– Надеюсь, ты загрызешь всех первой, – подмигнул он.

В домах напротив один за одним гасли окна. Я уговаривала Олю, чтобы они ночевали сегодня, но им нужно было ехать к сыну. Честно говоря, я обрадовалась, что не нужно лишней раз хлопотать, стелить постель в гостевой комнате и готовить принадлежности для ванной. Мы обнялись у такси, и они уехали. После их ухода меня мгновенно сморило от трех бокалов выпитого вина и плотного ужина. Накидывая кофту и кутаясь от прохладной сырости сада, в темноте я сначала пыталась достать телефон из кармана и осветить на дорожку к дому, но потом махнула рукой и пробралась сквозь кусты наугад, по траектории, отпечатанной в памяти.

Муж остался убирать со стола и тушить мангал, а я поднялась в дом. И, едва коснувшись головой подушки, провалилась в небытие. Мне что-то снилось, вроде бы кот в затылочном прыжке. Фантазмагория звуков улицы: стрекот кузнечиков, журчание воды в фонтане, хлопанье крыльев оживших в мраморе птиц, шипение затухающего огня. Кажется, Андрей говорил с кем-то по телефону. Меня это удивило, в сонном сознании промелькнуло, что и разговор мне почудился. С кем бы ему разговаривать в первом часу? С любовницей? Когда посреди ночи я поднялась из постели, чтобы закрыть окно от насекомых, трепетавших крыльями о москитную сетку, он лежал рядом и безмятежно морщил нос в глубоком сне. Сквозь занавески ночная тень падала на его лицо, и чуть с горбинкой греческий профиль от неподвижности казался величественным.

«Красивый муж – чужой муж», – говорила мама.

Но этот – мой. Вот уже больше пятнадцати лет.

Я улеглась, накрылась по шею успокаивающей мягкостью одеяла и крепко, удовлетворенно уснула.

Еще со школы у меня было два лица. Но если хоть кто-нибудь тогда объяснил мне, что я обречена на двуликость, то я бы выбрала другую судьбу. Может, приняла бы обет безбрачия и уехала на далекий остров, в какой-нибудь монастырь, где никто не сможет меня достать. Девочкой я мечтала превратиться в дикую птицу и улететь на юг. Прыгнуть рыбкой в реку.

«И как у рыбы холодной, ни жалости, ни боли...»

Увы, не нашлось предсказателя с магическим шаром, который поведал бы, что я никогда не смогу быть до конца счастлива, и мне нет места ни среди почтенных семейных матрон, ни среди свободных амазонок. Я навсегда застряла где-то между, словно не смогла выбрать сторону, словно не доплыла до нужного берега и навечно осталась посередине реки, трепыхаясь, как заплутавший осетр со сбитым компасом внутри. У меня не нашлось смирения плыть по течению, но и упорства сопротивляться ему. И потому – две жизни, два лица, два родника. Лишь бы посередине не разорвало пополам, и мое тело не унесли глубокие воды.

И я догадывалась – нет, даже внутренне знала по наблюдениям за другими девушками: я не похожа на них, точнее, во мне лишь половина от того, чтобы считаться подходящей подружкой в их дружной и беззаботной стае. Они все мечтали о парнях. И чтобы принимали за свою, приходилось притворяться, хотя меня в ту пору парни совсем не интересовали. Одноклассницы заигрывали с мальчишками, тайком курили взятяжку, представляя поцелуи с парнями постарше. Наперебой учили друг дружку, как нужно по-взрослому, с наигранной нежностью и совсем не детской страстью, но ничуть не вовлекаясь сердцем в эти шалости.

А я не могла. При подходе вплотную мое сердце покидало предназначенные ему пределы, и я отступала.

– Хочешь попробовать? – спросила Оля, вытаскивая изо рта жвачку и бросая через плечо. Она запрыгнула на высокий бордюр у подъезда и уже придвинулась ко мне, но я улыбнулась и отрицательно покачала головой.

– Спасибо, не надо.

– С тобой все нормально? – обеспокоенно нахмурилась Оля.

Издалека посигналили. Миша, уже потихоньку набиравший свою слоновью форму, которой полностью достиг к тридцати годам, стоял, закинув ногу на подножку скутера. Мы знали, что драндулет ему подогнали родители. И все равно он был крутой, в солнечных очках и черной бандане с черепушками, похожий на бандита из фильмов, что мы тогда смотрели по телику, наперегонки отбирая пульты у братьев и сестер.

– Олька! Поедешь кататься?

– Отвали, – крикнула она.

– Езжай, – сказала я подруге, посматривая на ее ухажера.

Он смущенно тряс головой: боялся, что опозорит, не пойдет с ним, и тогда ему при пацанах гонять одному. Уже не так круто, как с девчонкой.

– Ладно. Поеду покатаюсь с этим придурком, а то ведь так и будет сигналить на всю улицу, – Оля спрыгнула с бордюра и пошла к Мише, поправляя на ходу короткую плюшевую юбку и нарочно широко виляя бедрами, словно пародируя Кейт Мосс или кого-то из разнuzданных моделей и актрис тех лет. Я игриво присвистнула ей вслед, чтобы ободрить подругу и подразнить ее ухажера.

У меня никого не было. За мной бегал сын нашего учителя математики – очкастый мальчишка на голову ниже меня. Он оставлял записки в моем портфеле и рисовал в туалете надписи, сочетая наши имена. Мы с Олей смеялись над его настойчивостью. О парнях я думала, как о чужой, далекой галактике, о мире журналов под полиэтиленовыми обложками, о сигаретах, сворованных из родительской пачки, о вечерних прогулках под музыку из телефона – прогулках, когда все можно, если заранее сходить в аптеку. Другим девчонкам можно, но не мне.

И даже если бы мне нравился сын учителя математики, мне и тогда в голову бы не пришло пойти с ним за гаражи, в жигули со спущенными колесами. Машину пригнал кто-то из парней. Тайное гнездышко занимали строго по расписанию и заранее оговоренной очереди любые желающие парочки. Оля еще не ходила туда с Мишей, но шепнула мне как-то, что плата – одна резинка, и она уже знает, кто хозяин тачки и кому платить.

– Только попробуй, принеси мне в подоле, – однажды сказала мама. – Нормальные сначала выходят замуж.

– Но ты была беременна, когда вышла за папу, – возразила я.

– Бессмертная, – хохотнула Ида, случайно заглянув на кухню.

– Так, – подняла брови мама. – И ты поди сюда, – притянула она за руку младшую.

– О, ну вот. Спасибо тебе большое, – процедила она мне укрaдкой. – Пожрать не дадут спокойно, – чертыхнулась сестра, закатывая глаза.

– Если узнаю, что хоть одна из вас снюхалась с кем-то, на одну ногу наступлю, другую дерну. И порву пополам, поняли?

– Да поняли мы все, – вздохнула Ида.

Она с двенадцати лет курила и встречалась с парнем, спускаясь со второго этажа на простыне после десяти вечера и тем же способом возвращаясь обратно под утро, пока я провожала ее непонимающим взглядом, а мама спала, убежденная в исполнении своего запрета. Но Ида никогда, ни разу не попадалась.

– А ты, Венера, прекрати гулять с этой Олей. Она тебе не подруга.

– Да щас! – закричала я. – Ты мне дышать не даешь спокойно!

– Ты как с матерью разговариваешь, – ледяным тоном произнесла она и залепила такую пощечину, что у меня из глаз посыпались искры.

Маленькая кухня закружилась каруселью, сметая в кучу кружки, поварешки, прихватки и портрет моего отца на стене – единственного из ее мужей, кого она так и не смогла полностью уничтожить из памяти. Он не позволил ей, исчезнув сам, как убегает паром вода из свистящего чайника.

Захватив хлеб для своих бутербродов, от которых десятью годами позже у нее разовьется гастрит, Ида тихонько выскользнула в комнату, пока не прилетело и ей.

– Эта Оля – беда, – продолжила мама. – Она тебя портит. Но у тебя мозгов не хватает понять.

– Она моя подруга, – не сдаваясь, настаивала я. – От других людей меня тошнит. Что мне теперь, совсем ни с кем не общаться?

По правде, тошнило меня куда больше от нашей убогой, неблагополучной жизни и от себя самой, нежели от других, более успешных девчонок. Ими я как раз восхищалась, к ним я мечтала примкнуть в один прекрасный день, когда стану их достойной.

– Венера, – вздохнула она, присаживаясь на табуретку, словно для долгого разговора по душам, хотя в нашем доме они были невозможны. – Ты ничего не достигнешь, если будешь якшаться с подобными девицами. Хочешь все профукать? Хочешь лет через двадцать сидеть на такой же кухне, как я?

– Нормальная же кухня. И почти в Москве.

– Посмотри на сестер, – разочарованно сказала мама. – Стелла дурочка. Вот-вот приведет мужа домой. И разродится, конечно, а дальше пойдет в службу, на большее можно не рассчитывать. Ладно хоть мужик у нее нормальный, авось потянет. А Ида вообще не хочет учиться, весь дневник краснеет от замечаний, да еще выпивоха, в тринадцать-то лет – вся в папашу, в его подлое отродье. Думает, я не знаю. Возвращается – от нее разит, как от грузчика. Но ты. Такая умная, такая талантливая. У тебя должно получиться. Не погуби себя. Ты должна выучиться как следует, в университете, найти хорошего парня, выйти замуж.

– Я никогда не выйду замуж, мамочка, – я бросилась к ней и обняла сзади, быстро, порывисто, пока она снова не отгородилась от меня.

– Да куда ты денешься, – усмехнулась она. – Все выходят, и ты выйдешь рано или поздно.

– А если я не хочу?

– Потом захочешь. В твоём возрасте я вообще боялась мужчин. Ну, хватит, – сбросила она мои руки. – Ты ведь уже не маленькая, чтобы тискаться.

Мне всегда казалось, точно я из последних сил, преодолевая боль, держу дверь, откуда через крошечную щелку вытекает мамино тепло, и, если отпущу хоть на минуту, дверь захлопнется. Этого я боялась больше всего на свете.

– Но может, я смогу все сама. Найду работу, где хорошо платят. Заработаю квартиру. И зачем мне муж? – возразила я.

– С мужем такие вещи даются легче. К тому же, чего бы ты ни добилась сама, без мужчины женщина не может быть полноценной. Каждой из нас нужна семья. Не спорь, поверь, я жизнь прожила. До этого ты еще дойдешь.

Ида заглянула на кухню, ожидая скандала и пугаясь неожиданной тишины, думая, вероятно, что в порыве ссоры одна из нас зарезала вторую кухонным ножом, как в хронике новостей криминального канала. Услышав нашу умиротворенную беседу, младшая сестра удивленно хмыкнула и скрылась.

В тот вечер я не пошла гулять с Олей. Наш условный сигнал – стук в окно сорванных в соседском палисаднике ранеток – настойчиво, без перерыва продолжался целый час: целый час она ждала меня, но я не откликнулась на ее зов.

На какое-то время мы прекратили гулять вместе. Иногда, конечно, встречались в местной булочной за углом, где Оля частенько покупала хлеб, или в магазинчике, где воровала жвачку, пока продавщица нагнется под прилавок, или на соседней улице от школы, где стреляла у мужиков сигареты. Но теперь я отнекивалась, что гулять мне некогда. Она видела, что я вру, и кажется, втайне страдала. В ее глазах стоял немой вопрос: «За что?» Я тоже скучала по ней, но не хотела злить маму, предпочитая редкие беседы и прохладную отстраненность тотальной, абсолютной молчанке, которой она награждала меня, стоило чуть послушаться.

Тем летом через мамину знакомую нас с Идой устроили подрабатывать в магазин, и нам впервые самим позволили заработать деньги. Я целиком отложила заработок на выпускное платье, а Ида, как обычно, спустила на всякую ерунду вроде глянцевого журнала, плеера на батарейках, который сломался на той же неделе, и плакатов любимой группы, позже украшавших всю стену вдоль ее кровати в нашей комнате.

Родители Оли отправили ее в пионерский лагерь, и она ходила каждый вечер на дискотеки с вожатым. Миша на лето был заброшен и забыт, точно надоевшая плюшевая игрушка, из которой она выросла: видно, затянул с походом в жигули. Или так подруга словно мстила мне через него, показывая, что с прежней жизнью покончено, и *мы оба* ей теперь не нужны.

До того все у нас с ней было общим: гулянки, школьные разборки с другими компаниями, стеснительные шушуканья на последней парте. А с тех пор мы пошли врозь, разными дорожками, ведущими к разным жизням.

Позже она призналась, что водителю досталось то, чего не добился Миша. Любопытство способно сгубить не только кошку, но и девственницу, причем, если пересказать известную поговорку, гораздо быстрее, чем любовь.

5

Перебесится

Проснулась я почти в двенадцать дня. Голова трещала: перебрала вчера – то ли последний бокал был лишним, то ли вино слишком крепким.

– У тебя там что, любовник завелся? – пихнул меня под бок муж.

Он тоже до сих пор не вставал, потягиваясь в кровати в одних шортах, с полуобнаженным торсом олимпийца. Футболка висела на спинке стула. Он явно вчера на что-то рассчитывал, но, похоже, ничего не вышло.

– В смысле? – смутилась я.

– Полночи телефон пиликал.

– Да?

Я взяла телефон в руки, и меня окатило волной ужаса. Куча всплывающих сообщений и смс. Кто-то ночью взломал мою почту, соцсети и некоторые рабочие страницы: на сайте поиска сотрудников и в системе корпоративного сайта. Такого даже с соцсетями сто лет не случалось, у меня супер-контроль безопасности везде, а уж особенно в том, что касается работы. И обычно взламывали что-то одно: или почту, или страницу в соцсети. Легко, без заморочек и посторонней помощи удавалось восстановить доступ к аккаунту. А чтоб взломали все и сразу, в один день...

Муж попытался взглянуть на экран телефона через мое плечо, но я дернулась, предчувствуя неладное и отодвигаясь подальше.

– Что там? – безобидно усмехнулся он.

Хлопнув дверью, я скрылась в ванной на втором этаже. В голове стучало от паники и непонимания.

– Венера! – через минуту постучал Андрей в дверь. – Что случилось? С работой проблемы?

С мужем, решила, разберусь позже. Нет времени на оправдания и объяснения.

Я сидела на краю ванны и одно за одним листала уведомления. Мессенджеры – шесть штук, взломаны поочередно, несколько неудачных попыток от двух ночи до четырех утра, но как только взломали почту, все пошло как по маслу. Почта взломана – пароль подобран в три часа ночи.

«Что это? Что? Как?» – мелькало у меня в голове.

Сначала я подумала о конкурентах – рекламной фирме, с которой в последнее время обострились отношения. Они начали переманивать наших сотрудников и подворовывать идеи. Совершенно не связывая произошедшее с первым письмом Кристины, я недоумевала: да кому понадобилась моя личная информация, что они станут с ней делать? Но несколько минут спустя, пролистнув уведомления к началу, я дошла до момента истины.

«Мне не нравится, когда меня игнорируют, – писала Кристина. – Не надейся от меня отвяжаться. Отдаю тебе должное, ты умеешь прятаться.))) Но искать – моя профессия, помни об этом».

И немного позже – другое письмо:

«До чего же интересная у тебя жизнь. И мужичок ничего такой, годный.))) Но все эти люди совсем не знают, *кто ты такая*, Венера. А я – да. И я одна знаю, что ты сделала прошлым летом.)))»

Смайлы в ее письмах не могли обмануть меня: было понятно, что она в ярости. Забавно, в те минуты я несколько не думала о том, как мне спасти себя или выкрутиться, не думала, что первым делом стоит пойти в полицию, как рассудил бы любой нормальный человек, получивший подобные сообщения.

Выдохнув, на минуту я отложила телефон на полочку для бритвенных принадлежностей, почему-то испытывая некоторое облегчение, что это не конкуренты, а всего лишь девчонка с конференции. С первого этажа слышались шаги мужа. Он будто нарочно сегодня ходил громче привычного, шаркал, как девяностолетний дед, подпевал радио. Приглушенные звуки едва доносились доверху, но вибрация колотила по трубам и отдавала у меня в ушах. Расползался запах жареной яичницы с помидорами.

Шантаж – манипуляция, «помни об этом», со злой улыбкой процитировала я, передразнивая ее письмецо. Она хочет, чтобы я испугалась и сдуру натворила каких-нибудь глупостей. Может, надеется посмеяться надо мной. В первые мгновения, не соображая и теряясь в догадках, я разволновалась, что у нее доступ к моим соцсетям и почте, что она теперь знает обо мне гораздо больше, *чем ей нужно знать*. Но понемногу я успокаивалась и приходила в себя. Ну знает, и что? А дальше? Моя уверенность в том, что ничего не будет, что все ее действия останутся онлайн – в сообщениях, письмах, словесных угрозах – убеждала меня и дальше игнорировать послания.

«Перебесится», – думала я.

Неприятное чувство поднималось в моем остывающем от паники рассудке.

«Кто я такая», что мне пишут подобные вещи? Еще не чувство вины, нет – тогда я не была на него способна по отношению к ней, потому что считала, что год назад поступила правильно и вовсе не жестоко. В конце концов, ей двадцать лет, взрослая, в общем, деваха, а не ребенок. Никто не обязан с ней нянчиться. Но какое-то сомнение одолевало меня, дискомфорт от мысли, что Кристина имеет некоторое право писать мне, царапал душу.

Возможно, сначала она хотела лишь выяснить, что случилось, а получив ответы, отстала бы сама. В таком случае, мне стоило бы что-то ей ответить, а не молчать. С другой стороны, разве, взломав аккаунты и узнав о моей жизни и друзьях, наверняка прочитав переписки с мамой и мужем, она до сих пор задается вопросом, почему я исчезла? Ей уже все ясно. Объяснения не требуются. Но что ей надо тогда?

Что ей надо?

Борясь с гневом и брезгливостью, что Кристина влезла в интимное и что я будто предстала перед ней обнаженной, со всеми тайнами, проблемами и ранами, я начала печатать ответное письмо.

«Привет...»

Нет, опасно приветствовать такое поведение, поэтому никаких приветов. Лучше начать нейтрально.

«Здравствуй, Кристина!»

Слишком официозно. Вдруг подумает, что издеваюсь – а она человек недоверчивый и подумает обязательно. Особенно после того, что случилось.

«Что тебе нужно?»

Коротко, внятно и сразу к делу. Но *нужно* – это про нужду. Человек нуждается, не важно, в чем, в сострадании, в понимании. Здесь сквозит жалость. А жалостью тоже неплохо можно манипулировать.

«Что тебе надо?»

Пусть заметит: надо *ей*, а не мне. Достаточно грубо. Чтобы не питала лишних иллюзий, будто заискиваю из-за страха или желания продолжать общение.

Вот только любой ответ может поощрить ее, она продолжит напisyвать, и объяснениями дело не кончится. Отправлю письмо – и дороги назад уже не будет. Первый ответ как сигнал начала настоящей переписки. Больше не односторонние письма в пустоту, возмутительные и навязчивые, какими может она считать их до сих пор, несмотря на уверенный тон.

Отправлю письмо – и появится вторая сторона. Ответчик. А мне останется роль птички на проводе.

Кто знает, как девчонка воспримет мой ответ? Не хочу, чтобы она хоть на секунду вообразила себя победительницей. Тогда будут новые письма.

«Что тебе надо, Кристина?» – вбила я в тело письма и почти нажала на значок отправки.

А что надо мне? Ответ на этот вопрос не лежал на поверхности, как могло показаться, в нем не так-то просто разобраться, не копаясь в себе и не обманываясь. Один год – не много, но и не мало. *Что надо мне?* Чтобы она отстала. Да, именно этого – и только этого – я хочу. Мне жаль, что случилось тогда, но у меня не было выбора. И я сделала, что могла. На том и порешим. Больше никаких писем и напоминаний о прошлом лете, вот мое единственное желание.

Муж гремел на кухне посудой, раскладывая завтрак по тарелкам. В световое окно над ванной залетал теплый ветерок, разносивший нотки цитруса от ароматических палочек на верхней полке. От фонтана в саду слышалось равномерное, успокаивающее журчание. Когда я поняла, чего хочу, мне полегчало, окружающая действительность начала понемногу восстанавливаться, разрозненный пазл вновь сомкнулся, превращаясь в невозмутимую картинку нового дня, не омраченного ничем серьезным. Письма, мессенджеры... Всего лишь виртуальный мир, адресант по ту сторону, где меня нет физически и не должно быть мысленно. Немного зависнув в раздумьях, я стерла сообщение. Буква за буквой исчезли мои попытки наладить с ней связь.

Одно можно сказать точно: Кристине удалось сделать так, чтобы я снова подумала о прошлом лете, окунувшись в него, хоть и недолго. Но она не добьется ничего больше, что бы там ни вертелось у нее на уме. Не дозволено быку.

«Все эти люди совсем не знают, *кто ты такая*, Венера. А я – да».

Вот тут она ошибалась. Мы с ней совсем не знали друг друга. Наше знакомство длилось шестнадцать дней. И эта глупая девчонка совершенно не представляет, какой человек по ту сторону переписки, на что способен, если вдруг действительно испугался бы писем. В хакерстве она преуспела, «нужно отдать ей должное». Или кто-то помог?

Меня передернуло от отвращения при мысли, что переписки мог видеть кто-то еще – тот, кто помогал их вскрывать. Но взлом удался лишь потому, что телефон лежал вне поля

моего зрения, в соцсети она влезла ночью, как жалкий воришка, и у меня не было возможности вовремя принять меры.

Я призналась себе, что злюсь. Она узнала то, что я предпочла скрыть от нее. Но на этом все. Хорошенького понемножку. Никому не дозволен нарушить мой покой. К тому же, мы обе замешаны в том, что она сейчас пытается целиком свалить на меня.

Один за одним я возвращала себе доступы к своим аккаунтам и меняла пароли: почта, мессенджеры, рабочие профили. К моему удивлению, Кристина и не пыталась перекрыть их и присвоить себе контроль. Пароли были наипростейшие. Некоторые даже не потрудились изменить после взлома: она только зашла, посмотрела и почитала, что ей нужно, и вышла. Какой любопытный, но ленивый и непритязательный взломщик.

– Венера, ты спускаешься? Завтрак, – раздался голос мужа.

– Иду, – крикнула я.

При выходе в спальню меня ожидал сюрприз: на нашей широкой супружеской кровати, растянувшись по-хозяйски, бесстрашно спал бродячий кот. С таким умиротворенным выражением морды, точно это был его дом, его кровать, и он всегда жил вместе с нами. Казалось, если шикнуть на него, он лишь поведет ухом и удивленно воззрится: «Мол, да, я тут сплю. И что ты мне сделаешь?» Потрясающая наглость. Теперь любимое одеяло покрылось черной россыпью его шерсти, и неизвестно, где он еще валялся и какую заразу принес вместе с собой. Но как он проник сюда? Где нашел лаз? Муж вечно забывает закрыть кухонное окно на первом этаже. Нужно ему напомнить быть повнимательнее.

Сменив беззвучный режим на вибрацию, я убрала телефон. Затем быстро приняла душ, накинула шелковый халат, скользящий по коже приятной прохладой, и спустилась к Андрею, захватив с собой кота. Нахал одним броском отправился обратно во двор, с хозяйским пинком вдогонку под пушистый хвост.

Наша кухня встретила меня творческим беспорядком, устроенным руками мужа. На стойке для завтраков красовались две одинаковые фарфоровые тарелки, а на них – по три глазка яичницы и прижаренные помидоры с зеленью. Мы сели завтракать.

В кухонное окно стучала и скреблась ветвями потревоженная ветром яблоня – похожее на визг, раздражающее скрежетание. Его было трудно не замечать.

– Сегодня же спилю, – улыбнулся Андрей, тоже поморщившись от скрежета. – Нужно было давно сказать садовнику, что ветки опять выросли.

После завтрака я вышла в сад. Погода начала портиться. Ветер с каждой минутой холодел, и флюгеры на соседских домах вертелись в разные стороны от переменчивых порывов. Муж вышел вслед за мной, обнял меня сзади и тихо поцеловал в шею.

– Что будем делать? – спросила я. – Та выставка инсталляций еще не закончилась. Могли бы съездить.

– Мне нужно в офис по делам.

– Правда? В субботу?

– Ты ведь знаешь, как у нас там, – извиняющимся тоном сказал он. – Сейчас много работы. Как расширится, будет попроще. Не сердись. Вечером что-нибудь придумаем, ладно? И, кстати, можешь съездить с Иваном.

– Ну конечно! У него кружок через час. А потом он пойдет рубиться в приставку к этому другу, как его...Отлично. Бросаете меня одну, – пробурчала я.

Через полчаса муж, садясь в автомобиль, захлопнул дверь и помахал мне через стекло. Сын попросил его подвезти и уселся на заднем сидении, даже не выглянул, чтобы попрощаться, а сразу уткнулся в телефон.

Когда я вернулась в дом, то оказалась наедине с бродячим котом, изгнанным накануне, и с такими же бродячими мыслями. Котище словно подмигивал мне своим единственным зеленым глазом, пряча второй, что наполовину в бельме. Уже немолодой, познавший жизнь, с

порванным ухом и лукавым оскалом, он терся о мои ноги в приливе кошачьей ласки, просился в дом, но я не дала ему возможности снова проникнуть в нашу уютную крепость, где нет места чужакам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.